

Во время войны маленький Марик «отправлял» на фронт почтовые карточки.

Ирина МУСТАФИНА

■ Накануне Дня Победы народный артист России рассказал о том, как бабушка спасла ему жизнь и почему мама не говорила правду об отце.

НЕСРАВНИМОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ

- Марк Григорьевич, когда началась война, вам было всего четыре года.

- Конечно, я до конца не понимал, какая опасность всем угрожала. Поначалу она воспринималась даже как приключение.

В моей семье было одно обстоятельство: когда началась война, отец сидел в сталинских лагерях. Мама (прекрасно ее понимаю) врала, что папа на фронте, и я, как все дети, рисовал отцу открытки с надписью: «Папа, бей немца». А мама обещала их непременно отправить и складывала в шкатулку.

За пять-шесть дней до начала войны бабушка отвезла меня в Анапу, где мы гостили у родственников. Помню 22 июня: все взрослые с волнением приникли к приемнику, откуда вещал Молотов.

Поскольку бомбоубежищ ни-

каких не было, прятались в домах - под полом или где-то еще. Бабушка обычно затаскивала меня под кровать. Считалось, что, если дом обрушится, сетка над кроватью может спасти. Сейчас вспоминаю со смехом, как мы там сидели по несколько часов.

В каждом анапском дворе стояли маленькие печурки - таганки, на которых можно было подогревать еду. И рядом с нашим таганком в землю часто врезались осколки бомб. После того как атака прекращалась, я с другими детьми выбегал из дома и хватал эти раскаленные, горячие металлические осколки.

Еще запомнилось, как полыхали и дымились наши корабли, подбитые немцами. Мы выбегали на берег и, глядя на воду, кричали: «Море горит!» Однажды всей улицей хоронили моряка - я тогда впервые увидел мертвого человека и был шокирован.

Вообще это ни с чем не сравнимое переживание: кто-то за тебя воюет, отдает свою жизнь на поле боя, а ты сидишь, ждешь прихода врага. И при этом понимаешь, что в любую минуту сам можешь погибнуть. Ни один кинофильм,

даже самый гениальный, не сможет передать эти чувства.

ВЕРНИТЕ МАТРОСКУ!

- Когда выбирался из Анапы, на наш поезд налетел немецкий самолет. Машинист снизил скорость и остановил состав. Все кинулись враспынную. Бомба рванула недалеко от того места, где мы прятались. Бабушка повалила меня на землю и накрыла своим телом. Один из осколков попал ей в ногу, раздробив кость. Но бабушка даже не среагировала на боль. Когда бомбежка закончилась, она искала мою матросочку, которую я потерял. В шоке кричала: «Верните ребенку шапочку!» И какой-то мужик, после того как мы

Владимир ВЕЛЕНДУРИН/Артмедиа.ру

Марк РОЗОВСКИЙ, режиссер: Я РИСОВАЛ ОТЦУ ОТКРЫТКИ «ПАПА, БЕИ НЕМЦА!»

вновь оказались в вагоне, нам ее отдал.

Бабушке так и не вынули осколок, и она прожила с ним до смерти. Всю жизнь хромала, парила ногу три раза в сутки, чтобы хоть немного уменьшить боль. Часто думаю: ведь этот осколок мог бы попасть и в меня, если бы не бабушка. В тот день она спасла мне жизнь.

9 МАЯ - НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

- Когда удалось добраться до Москвы?

- В 43-м. Когда мы вернулись, в городе царила страшная нищета. Бабушка кормила меня лепешками из крапивы. Еще меня пичкали рыбьим жиром. Это была обязателька: рыбий жир и корочка черного хлеба, натертая чесноком. Так поддерживали мое хилое здоровье.

В общежитии у нас были прекрасные интеллигентные соседи - Тяпкины. Не знаю, как сложилась их судьба. Но ту тарелку супа, которой они меня угощали, вспоминаю всю свою жизнь.

Как-то к нам с фронта приехал дядя Коля, бабушкин племянник. Молодой матрос, ему и двадцати тогда не было. Обаятельный, веселый! Привез нам масла - белоснежного, как лист бумаги. Я такого в жизни не видел. Достал из

своего пайка кусок черного хлеба, толсто намазал его и отдал мне. Через несколько месяцев дядя Коля погиб...

- 9 Мая хорошо помните?

- Тут у всех одинаковые воспоминания. Конечно, мама повела меня на Красную площадь, где мы оказались в ликующей толпе людей. Все орали, подкидывали меня в воздух, некоторые даже умилялись танцевать.

Но война - это ведь не только годы борьбы, это и послевоенная жизнь.

1945 год, мне восемь лет. Солдаты вернулись с фронта, а моего отца все не было. И тогда маме пришлось рассказать правду...

Через два года папу все-таки освободили, к тому моменту он уже отсидел десять лет. Но отец не имел права с нами жить - приезжал тайно на день-два. Когда он впервые появился в общежитии, мы очень боялись, что кто-то сдаст. Ведь совершенно по-разному складывались отношения людей в коммуналке. Соседи перешептывались: «К Лиде муж приехал». Но никто не рассказал об этом.

Правда, радость была недолгой - вскоре отца снова посадили. Это была «теория второй волны». Когда отец вернулся после второго ареста, мне было 18 лет. Но это уже другая история.

СПРАВКА «СВ»

Марк Розовский - драматург, главный режиссер московского театра «У Никитских ворот». Родился в 1937 году в Петропавловске-Камчатском. Окончил факультет журналистики МГУ (1960) и Высшие сценарные курсы (1964). Ставил спектакли во МХАТе, БДТ в Ленинграде, Риге и других театрах.

Светлана НЕМОЛЯЕВА, народная артистка РСФСР, актриса театра и кино: МАМА БОЯЛАСЬ ЗАЙТИ В ДОМ И УСЛЫШАТЬ НАШУ МОЛБУ О ХЛЕБЕ

ЭВАКУАЦИЯ

- В июне 41-го мне было всего лишь четыре года - начало войны я плохо помню. Все воспоминания связаны в основном с эвакуацией. Родители работали на «Мосфильме», и всю нашу семью отправили в Алма-Ату. Бомбежек там не было, но люди все равно заклеивали окна крест-накрест бумажными лентами. На меня эти кресты производили угнетающее впечатление, я их очень боялась.

Потом папу забрали на фронт - естественно, для нас это была трагедия, мы переживали. К счастью, отца доволь-

но быстро вернули обратно на «Мосфильм».

Мы с братом Колей (он младше меня на год) ходили в детский сад. Нашим воспитанием занималась бабушка. А родители с утра до вечера работали, но практически ничего не получали. Еды не хватало, и маме по вечерам приходилось долго сидеть во дворе, чтобы только не видеть наши голодные глаза и не слышать: «Мама, мы хотим кушать, дашь нам хлеба?» А я все равно ждала ее, не спала и, когда она в три часа ночи заходила в дом, задавала ей этот роковой вопрос.

В конце 43-го года мы вернулись из эвакуации. В поезде ехали около месяца. Наш дедушка, который все это время находился в Москве, так соскучился по нам с братом, что, только поезд остановился, вытащил нас из вагона через окно.

После возвращения из эвакуации жили на Плющихе - я спала в комнате с дедушкой и бабушкой. Помню, на стене висела большая черная тарелка, из которой вещал Левитан. Постоянно слушали военные сводки, кричали «ура», когда передавали: «Советские войска освободили Будапешт». А когда объявили об окончании войны, во дворе собралась толпа народу - все радовались и плакали. Это был незабываемый день.

Сергей Кузнецов/РИА Новости

Звезда советского кино не понаслышке знает, что такое голод.